

Т е м а н о м е р а : Социальные процессы в регионах России

Жизненные ориентиры жителей Южного федерального округа в контексте современных реалий

Посухова Оксана Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры регионалистики и евразийских исследований, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета, Ростов-на-Дону

E-mail: belloks@yandex.ru

Сериков Антон Владимирович – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Южнороссийский филиал ИС РАН, Ростов-на-Дону

E-mail: avserikov@sfedu.ru

Жизненные ориентиры жителей Южного федерального округа в контексте современных реалий

Аннотация

В статье приведены данные, полученные в ходе реализации поискового социологического опроса «О насущных вопросах нашей жизни», реализованного в рамках плановой темы: «Изучение динамики изменений социально-экономической и социально-политической ситуации в регионах Южного федерального округа». Несмотря на то, что исследование было построено на инструментарии и методологии, разработанных учёными Института социологии РАН, наш региональный проект можно назвать поисковым, поскольку теоретическая модель исследования и ключевые исследовательские вопросы не разрабатывались нами с самого основания, а были имплицитно заимствованы у московских коллег. В данной статье проанализированы особенности адаптационных процессов регионального сообщества в условиях санкций и экономического кризиса, что позволило выделить две базовые стратегии в решении жизненных проблем: активная и пассивная. При этом фиксируется устойчивость доли респондентов, предпочитающих индивидуализированные и целенаправленные (сохранить уровень дохода, качество жизни) адаптационные стратегии. Установлено, что в авангарде важных жизненных ориентиров, доминирует ориентация на стабильность, в зоне же явных аутсайдеров находится участие в политике, общественных и политических организациях, что объясняется зафиксированным недоверием к данным социальным институтам. В настоящее время продолжает сохраняться тенденция, при которой, несмотря на все попытки придать социальному протесту в России политическое звучание, направить его на подрыв легитимности основных институтов государства, массовый протестный потенциал оказался лишь ограниченно политизирован. Но необходимо отметить определённую радикализацию части населения – тех, кто готов отстаивать свои права с оружием в руках.

Ключевые слова: социальное самочувствие, повседневность, жизненные интересы, конфликтогенный потенциал, национальная безопасность, протестные настроения, тревожность

Цели нашего проекта заключались в поиске отличительных, характерных для южного региона тенденций, а также одновременном дополнении тех данных, которые были получены за последние годы в ходе реализации ряда значимых социологических проектов: «Двадцать лет реформ глазами жителей Ростовской области», «Казачество как этносоциальный феномен современной России», «Армянские диаспоры Юга России: социологический портрет и проблемы идентичности», «Формирование региональной идентичности донского сообщества: ценности, нормы, традиции», «Молодая семья в Ростовской области», «Патриотическое воспитание молодёжи в Ростовской области», «Социальное самочувствие и социальное неравенство в Ростовской области» и др.

Конкретной задачей данной статьи стало выявление адаптационных процессов регионального сообщества в условиях санкций и экономического кризиса.

В этой связи оценка респондентами своего социально-экономического положения является важнейшей составляющей социального самочувствия. В значительной мере от фактора социально-экономического положения, включая его субъективную оценку, зависит политическая устойчивость и способность государства и общества быть консолидированными, поступательно развиваться, эффективно противостоять угрозам.

Жизненные интересы и установки жителей Ростовской области

Современные отечественные учёные отмечают, что социальная реальность российского общества претерпевает существенные изменения. В первую очередь это прослеживается в отношении к базовым социальным институтам – семье, труду, образованию, власти [Чупров, Зубок, Романович 2015]. Происходит становление нового социокультурного механизма формирования отношения к изменяющейся социальной реальности, и очень важное место в этом процессе занимают жизненные интересы, ценностные ориентации как факторы, его обуславливающие.

Повседневность человека складывается из совокупности регулярных социальных практик, направленных на создание условий комфортного существования. Комфортные условия жизнедеятельности напрямую зависят от осознания степени важности тех или иных жизненных ориентиров. Высшую по степени важности пятёрку лидеров жизненных ориентиров для жителей Ростовской области составляют: *финансовое благополучие (60,6%), работа и бизнес (57,8%), образование (50,9%), создание семьи и рождение детей (50,6%), самореализация*

Высшую по степени важности пятёрку лидеров жизненных ориентиров для жителей Ростовской области составляют: финансовое благополучие (60,6%), работа и бизнес (57,8%), образование (50,9%), создание семьи и рождение детей (50,6%), самореализация и проявление себя (49,4%).

и проявление себя (49,4%). Центральное положение занимают такие ориентиры, как *жизнь в более справедливом обществе* (49%), *дружба и общение* (44,9%), *интересная жизнь, развлечения и путешествия* (39,2%), *карьера* (39,1%), *любовь и секс* (34,4%). Заключительными по степени важности являются ориентации: *быть полезным обществу* (32,6%), *признание и уважение со стороны окружающих* (31,2%), *следование идеалам, принципам и ценностям* (29,3%), *обретение важных знакомств и связей* (24,4%), *доступ к информации и общение в социальных сетях* (22,2%), *музыка и культура* (20,9%). Как видно, в авангарде доминирует ориентация на стабильность (защищённый тыл и возможности для самореализации), которую, несмотря на уверенность в хорошей ситуации «здесь и сейчас», можно объяснить желанием создания «подушки безопасности» на будущее. Это можно интерпретировать как недостаточность социальных ресурсов для обеспечения стабильного спокойствия.

Во втором блоке в основном сконцентрированы жизненные интересы, направленные на создание лёгкой, интересной и динамичной повседневности. Заслуживает внимания такая жизненная позиция, как *«жить в более справедливом и разумно устроенном обществе»*. С одной стороны, в массиве всех ответов «очень важно», данная позиция не является лидирующей. Но это вторая позиция после *финансового благополучия*, которая не важна всего лишь для 0,8% опрошенных жителей Ростовской области. Это означает, что в массовом сознании жителей ростовского региона не сложилось представление о российском обществе как об обществе справедливости. И этот запрос остаётся актуальным.

Привлекает к себе внимание, что такой жизненный интерес, как *участие в политике, политических и общественных организациях*, не важен почти для четверти опрошенных (23,6%), при том, что очень важен всего лишь для 13,3% жителей Ростовской области. Сложившуюся ситуацию в массовом сознании донских жителей накануне региональных выборов (губернатора, депутатов в Городскую думу), сложных взаимоотношений России с мировыми державами, сложившейся дипломатической ситуацией с Украиной и присоединением Крыма, можно охарактеризовать как инертную, аполитичную. Объяснение этому видится в стремлении не впускать в свой жизненный мир, в свою повседневность конфликтные ситуации, не имеющие однозначной интерпретации (что объясняется высоким уровнем недоверия к СМИ) и требующие высокой политической ответственности и активности.

Аполитичность жизненных интересов можно объяснить и зафиксированными ответами на вопрос, как лично респонденты готовы реагировать на ухудшение жизни. Только 3,2% опрошенных при наступлении ухудшения жизненной

Такой жизненный интерес, как участие в политике, политических и общественных организациях, не важен почти для четверти опрошенных (23,6%), а очень важен лишь для 13,3% жителей Ростовской области.

ситуации готовы вступить в какую-либо политическую партию для защиты своих интересов; всего лишь 3,8% жителей области будут отстаивать свои интересы через профсоюзные организации; 6,3% примут участие в митингах, демонстрациях и голодовках. Сложившаяся непопулярность структур, основная цель которых – представление и защита интересов граждан, объясняется высоким уровнем недоверия и определённым кризисом данных политических институтов, которые зафиксированы в нашем исследовании (партиям и профсоюзам не доверяют 42,0 и 45,5% соответственно). Силловые методы решения жизненных проблем непопулярны – только 7% опрошенных готовы взяться за оружие для отстаивания своих интересов. С одной стороны, это свидетельствует о том, что революционные потрясения нашему региону не страшны. С другой стороны, данные говорят о том, что имеется пласт радикально настроенных дончан (для которых применение оружия не является преступлением, а правовой нигилизм допустим), и их можно рассматривать как источник конфликтного потенциала.

Серьёзной ресурсной базой, способствующей таким радикальным вариантам, как внутренняя и внешняя миграция, выступает, на первый взгляд, незначительная часть жителей региона: *примут решение о переезде в другую страну 7,6%; в другой регион страны 13,9%*. К переезду, как правило, готовы две группы: обладающие существенными ресурсами и потенциалом и те, кому терять нечего. Но доминирующей всё же является социально-активная часть населения, обладающая достаточно серьёзным социальным капиталом. А это означает, что такой потенциальный отток не может не сказаться на региональной стабильности и социально-экономическом развитии.

Лишь незначительная часть опрошенных продемонстрировали полную пассивность в решении данного вопроса: *готовы терпеть дальше 2,5% и ничего не будут предпринимать* только 1,9% опрошенных жителей.

При значительном ухудшении жизненной ситуации доминирующая часть опрошенных рассчитывают только на свои силы: 58,2% жителей Ростовской области выход видят в поиске дополнительных источников заработка. Неопределённость в решении данного вопроса характерна для 24,1% респондентов.

Таким образом, прослеживаются две базовые стратегии в решении жизненных проблем: активная и пассивная. При этом активная подразделяется на активность с уже имеющейся палитрой действий и неопределённую активность, когда готовы что-то предпринять, но ещё не знают, что. Так называемая неопределённая активность обладает двойственным потенциалом: в зависимости от выбранного решения она может быть

При значительном ухудшении жизненной ситуации доминирующая часть опрошенных рассчитывают только на свои силы: 58,2% жителей Ростовской области выход видят в поиске дополнительных источников заработка.

конструктивной или деструктивной, т. к. потенциально может содержать в себе и силовые способы. Распределения ответов на этот вопрос представлены в [таблице 1](#).

Таблица 1
Реакция респондентов на ухудшение жизненных условий, %

Вступлю в какую-либо политическую партию для защиты своих интересов	3,2
Буду отстаивать свои интересы через профсоюзные организации	3,8
Приму участие в митингах, демонстрациях, голодовках	6,3
Возьмусь за оружие для отстаивания своих интересов	7,0
Приму решение о переезде в другой регион страны	13,9
Приму решение о выезде из России в другую страну	7,6
Буду искать дополнительные источники заработка	58,2
Никак не буду реагировать, буду терпеть дальше	2,5
Что-то предприму, но что, ещё не решил	24,1
Ничего предпринимать не буду	1,9
Затрудняюсь ответить	20,3

В жизни человека существенное значение имеет отношение к событиям, протекающим на макросоциальном уровне, формирующим жизненные интересы и выступающим основанием для отбора актуальных социальных практик. Наибольшую тревогу у опрошенных жителей области вызывают социально-экономические проблемы (рост цен на товары и услуги (52,5%), жилищно-коммунальный кризис и рост платежей (51,3%), сокращение доступа к бесплатному образованию, медобслуживанию (34,2%), низкий уровень жизни значительной части населения (28,5%), безработица (25,9%). Одной из первостепенных проблем является также и правовая ситуация: у более трети опрошенных наибольшую тревожность вызывают коррупция и бюрократия (37,3%), низкая гражданская и правовая культура, неумение бороться за свои права (31,0%). Социокультурными проблемами озабочена также значительная доля опрошенных, у более четверти опрошенных тревогу вызывает снижение морали и нравственности, падение семейных ценностей (25,9%), рост алкоголизма и наркомании (25,3%). Вопросы национальной безопасности и межэтнических отношений также вызывают тревогу, но она существенно ниже, чем тревога по отношению к социально-экономической ситуации в стране: возможность новых терактов и распространение исламского экстремизма беспокоит по 7% опрошенных соответственно, быстрое вымирание населения России – 15,8%, рост нерусского населения в традиционно русских областях – 17,1% респондентов. В результате проведенного исследования отмечается и тревожность по отношению к политической ситуации: охлаждение отношений России с Западом беспокоит

19,0% жителей области, что объясняет рост патриотизма за последние два года. Сохранением напряжённой ситуации на Украине и вокруг неё озабочены 24,7% респондентов, что можно объяснить приграничным положением Ростовской области (см. таблицу 2).

Таблица 2

**Оценка респондентами степени тревожности
в отношении событий и процессов,
происходящих в последнее время в России, %**

Низкая гражданская и правовая культура людей, неумение бороться за свои права	31,0
Быстрое вымирание населения России	15,8
Охлаждение отношений России с Западом	19,0
Ограничение свободы слова в центральных и региональных СМИ	8,9
Кризис системы ЖКХ, рост жилищно-коммунальных платежей	51,3
Низкий уровень жизни значительной части населения	28,5
Сокращение доступа к бесплатному образованию, медицинскому обеспечению	34,2
Рост цен на товары и услуги	52,5
Наличие межнациональных противоречий в обществе	10,8
Рост алкоголизма, наркомании	25,3
Коррупция, засилье бюрократии	37,3
Безработица	25,9
Рост нерусского населения в традиционно русских областях	17,1
Рост числа детей-сирот, большое количество беспризорных	11,4
Рост преступности, в том числе среди детей и подростков	13,9
Снижение морали и нравственности, падение семейных ценностей	25,9
Возможность новых терактов	7,0
Реформирование пенсионной системы, системы льгот	5,7
Сохранение напряжённой ситуации на Украине и вокруг неё	24,7
Распространение исламского экстремизма	7,0
Другое	1,9

Проведённое исследование позволило также выявить установки, характеризующие активную и пассивную (инертную) жизненные позиции (см. таблицу 3). В ростовском регионе доминирует активная жизненная позиция, предполагающая готовность к переменам, независимости от государства в социальных вопросах, осознанию индивидуальной ответственности за свою жизнь, инициативности и постоянному поиску нового, что в целом соответствует общероссийским тенденциям. При этом необходимо отметить, что в ростовском регионе группа «самодостаточных дончан» (59,5%) превышает данные по России в целом (44%). Если по России без помощи

В ростовском регионе группа «самодостаточных дончан» (59,5%) превышает данные по России в целом (44%).

государства не смогут прожить 56% россиян, то в Ростовской области этот показатель ниже – в помощи государства нуждаются 40,5% опрошенных. Это свидетельствует о том, что «самодостаточные дончане», так же как и «самодостаточные россияне», находятся не на социальных задворках, а являются существенной по масштабу социальной группой, представляющей собой тренд на формирование активисткой доминанты в российском обществе. Наличие «самодостаточных дончан» является опорой стабильности в нынешней непростой социально-политической и социально-экономической ситуации. В условиях, когда перед государством стоит задача выбрать новый вектор экономической политики, требующей перехода в режим экономии, трудности в первую очередь проявятся в реализации социальных программ. Поэтому важно наличие в обществе социальных групп, которые могут обеспечить свою жизнедеятельность без оглядки на государство и вне зависимости от него.

Таблица 3

Альтернативные суждения респондентов, в отношении которых проявлена наибольшая степень согласия в оценке своей жизненной позиции (% по парам суждений)

Я смогу сам(а) обеспечить себя и свою семью, и не нуждаюсь в поддержке со стороны государства	59,5
Без поддержки со стороны государства мне и моей семье не выжить	40,5
Мне нравятся перемены, жизнь в меняющемся обществе	63,1
Все перемены к худшему, пусть жизнь остаётся такой же, как и прежде	36,9
Человек сам кузнец своего счастья, успех и неудачи – всё в его руках	67,5
Жизнь человека в гораздо большей степени определяется внешними обстоятельствами, чем его собственными усилиями	32,5
Главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве	72,0
Главное – это уважение сложившихся обычаев, традиций	28,0
Чтобы отстоять свои интересы и права, необходимо за них активно бороться	69,4
Нужно уметь приспосабливаться к реальности, а не тратить силы на борьбу с ней	30,6

Доминирование активной жизненной позиции обусловлено сложившимися ценностными ориентирами, в которых индивидуализм превалирует над коллективизмом; стремление к свободе, интересной работе доминирует над материальными ценностями; наличие частной собственности осознаётся как условие свободы/несвободы (см. таблицу 4).

Незначительные различия (в пределах 5%) наблюдаются в оценке таких пар альтернативных суждений, как гуманность по отношению к обездоленным и признание бедности справедливой. «Полезность обществу» против «жизни

как хочется» свидетельствует о том, что, несмотря на чётко сформированную активную жизненную позицию, в основании которой в большей степени лежат индивидуалистические ценности, она всё же предполагает включённость в общество, ориентацию на него и актуализацию своей социальной значимости.

Таблица 4

**Альтернативные суждения респондентов,
в отношении которых проявлена наибольшая степень согласия
в оценке своих ценностных ориентаций (% по парам суждений)**

Людам следует ограничивать свои личные интересы во имя интересов страны и общества	42,4
Личные интересы – это главное для человека	57,6
Только на интересную работу можно потратить значительную часть жизни	63,1
Главное в работе – это сколько за неё платят	36,9
Свобода – то, без чего жизнь человека теряет смысл	71,2
Главное в жизни – материальное благополучие, а свобода второстепенна	28,8
Только обладание собственностью делает человека по-настоящему свободным	66,0
По-настоящему свободен лишь тот, кто не имеет никакой собственности, собственность лишь закабалает человека	34,0
Материальных успехов люди должны добиваться сами, а те, кто этого не хочет, пусть живут бедно – это справедливо	52,9
Надо проявлять гуманность: те, кто материально преуспел, должны помогать и заботиться о тех, кто не преуспел	47,1
Хотел бы быть полезным государству и обществу	52,9
Хотел бы жить так, как хочется	47,1

Таким образом, по результатам исследования можно говорить о наличии двух моделей социальной адаптации: активной и пассивной, при этом отмечается доминирование в массовом сознании жителей Ростовской области активной жизненной позиции, что обусловлено усилением позиций «самодостаточных дончан». В авангарде важных жизненных ориентиров, доминирует ориентация на стабильность, которую, как было сказано выше, можно объяснить желанием создания «подушки безопасности» на будущее. Возможно, ощущается недостаточность социальных ресурсов для обеспечения стабильного спокойствия, что выражается в поддержке гуманистических ориентиров по отношению к обездоленным, а не жёстком отказе от них. В зоне явных аутсайдеров находится такой жизненный интерес, как участие в политике, общественных и политических организациях, что объясняется зафиксированным недоверием к данным социальным институтам.

Протестные настроения и уровень экстремизации населения в Ростовской области

Проблематика, связанная с социальным и политическим протестом, несмотря на определённую консолидацию российского общества в рамках так называемого «посткрымского консенсуса» [Дискин 2014], остаётся актуальной. В частности, как отмечается в Информационно-аналитическом резюме ИС РАН по итогам общенационального исследования «Российское общество в контексте новых реалий», большинство населения в настоящее время оценивает ситуацию в стране как напряжённую, кризисную. Ключевым же параметром, по которому население проводит подобное суждение, является самооценка людьми своего материального положения [Российское общество... 2015: 3].

В целом за последние 20 лет масштабными проявлениями протестной активности в России были шахтёрские забастовки 1991 г., «рельсовая война» 1998 г, выступления против монетизации льгот в 2005 г., а также имевшая цель расшатать основы легитимности политического режима протестная волна 2011–12 гг. В ней проявился целый ряд, как это принято говорить, парадигматических сдвигов: 1) активизация новой социальной базы протестного движения, т. н. «креативного класса» [Райбман 2014]; 2) повышение роли интернет-ресурсов, в т. ч. социальных сетей и других подобных сервисов, в процессе вовлечения в протестную активность и мобилизации широких масс, а также в процессе формирования общественного мнения по поводу причин и форм проявления протестной активности [Ваньке, Ксенофонтова, Тартаковская 2014]; 3) общий разворот протестной активности от социально-экономических требований (хотя и они остаются актуальной причиной проявления протестной активности) к политической тематике – требованиям демократизации политической системы, обеспечения честности и прозрачности выборов, выборности губернаторов и т. д. [Мамонтов 2012].

Протест на Юге России в целом выглядит достаточно специфично на общероссийском фоне. Социально-экономическое пространство Юга России характеризуется достаточно высоким уровнем социальной напряжённости. Близость Северного Кавказа оказывает влияние на протестный потенциал и в Ростовской области. Прежде всего через актуализацию социальных проблем, связанных с нарастанием миграции, недостаточной адаптацией мигрантов к условиям и требованиям принимающего сообщества.

В целом же спектр причин проявления протестной активности в региональном социуме достаточно широк – от социально-экономического неравенства, ущемления прав

и интересов отдельных социальных групп (например, льготников, «чернобыльцев», участников долевого строительства и т. п.), до гуманитарно-экологических (протесты против строительства промышленных или инфраструктурных объектов, разработки месторождений).

Важнейший фактор мобилизационного потенциала протестной активности – это возможность солидарных взаимодействий, которые быстрее складываются между теми агентами, которые рассматривают друг друга в качестве социально близко ранжированных групп, могут достичь консенсуса в отношении целей действия, поведенческих стратегий и общего контрагента. Наиболее характерные черты региона в этом смысле связаны с имеющимся набором социальных сил и агентов, способных сыграть активную роль в мобилизации протеста (например, общественное казачество в Ростовской области, радикальные молодёжные группировки и т. п.).

Одним из существенных факторов и индикаторов протестной активности в регионе является легитимность протестных акций как вида политической активности в общественном сознании – признание за протестами права на существование, а за людьми – право на протесты. Легитимность протестной активности является индикатором сложившейся конфигурации типов гражданской и политической культуры в обществе и выступает в качестве важнейшей предпосылки социально-политической трансформации. О ситуации с данным индикатором применительно к Ростовской области свидетельствуют распределения ответов на вопрос о том, как жители области относятся к разного рода стихийным общественным выступлениям – протестным акциям, митингам, шествиям, сидениям и т. п.

В структуре общественного мнения Ростовской области по поводу отношения к протестным акциям проводившиеся ранее исследования достаточно чётко выявляли три крупных группы [Барбашин и др. 2013: 76]:

1. В целом положительно относятся к протестным акциям (около 30%).
2. Индифферентно относятся к протестам (до 35%).
3. В целом относятся к протестным акциями отрицательно (около 35%).

Подобная структура ответов свидетельствует о том, что в региональном сообществе сложились не только группы с различными оценками и взглядами, но и о том, что социальные условия, формирующие данные группы, носят достаточно устойчивый характер и связаны, скорее всего, с социально-экономическим неравенством, неравенством доступа к различным социальным ресурсам. Корреляционный анализ данных, полу-

ченных в 2012 г., позволил прийти к выводу, что легитимность социального протеста в регионе связана с двумя группами факторов. Во-первых, с уровнем социально-экономического развития и качества жизни, наличием нерешённых проблем в данном типе поселения (транспортное сообщение, медицинское обслуживание, коррупция и т. п.). Во-вторых, с наличием у населения определённых ожиданий и запросов относительно должного или желаемого качества жизни.

В целом же большинство опрошенных (53%) полагало, что в современных условиях акции протеста есть ни что иное, как способ «достучаться до власти» [Барбашин и др. 2013]. Последствия распространения подобной оценки достаточно серьёзные, и связаны они с дефицитом институциональных механизмов обратной связи с публичной властью, что нередко обыгрывается отдельными силами как обоснование радикальных политических требований и изменений.

Мониторинговые замеры уровня протестных настроений и потенциала экстремизации (особенно в молодёжной среде) проводятся Южнороссийским филиалом ИС РАН и Институтом социологии и регионоведения ЮФУ на регулярной основе. Это позволяет сопоставить полученные в 2015 г. данные по региону как с общероссийскими данными того же периода, так и с полученными ранее результатами. В [таблице 5](#) представлены распределения ответов на вопрос о том, как население готово реагировать на значительное ухудшение условий жизни [Источник данных по... 2013]. С точки зрения измерения уровня протестных настроений данная формулировка вопроса является так называемой «мягкой», поскольку, в отличие от прямых формулировок о готовности участвовать в протестных акциях, она акцентирует внимание на целом спектре адаптационных альтернатив. В этом отношении данная формулировка даёт достаточно близкую к реальности оценку распространённости протестных настроений.

Исследователи ИС РАН говорят о формировании «новой социальной реальности». В качестве социального контекста интерпретации полученных данных рассматривают прежде всего гипотезу о вхождении в очередной экономический кризис с характерными для таких периодов спадом экономического роста, падением уровня доходов и ростом безработицы. Так, учёные ИС РАН отмечают характерную для 2015 г. примету – уровень протестных настроений почти в 2 раза ниже, нежели это было в период предыдущего кризиса 2008 г. Второй важной особенностью, характерной для российской политической культуры, является низкое доверие таким институциональным каналам влияния на качество жизни, как профсоюзные организации и политические партии. На фоне прочих адаптационных стратегий они фактически выглядят маргинальными и наивными.

Большинство опрошенных (53%) в 2013 г. полагало, что в современных условиях акции протеста есть ни что иное, как способ «достучаться до власти».

Таблица 5

Оценка уровня протестных настроений
(сравнительные данные по распределениям ответов на вопрос:
«В случае значительного ухудшения Вашей жизни
(жизни Вашей семьи) как Вы лично готовы реагировать на это?»
(в % к числу опрошенных),
ЮРФИС РАН (по Рост. обл.), ИС РАН (по России) 2013, 2015 гг.)

	Россия, 2013	Ростовская область, 2013	Россия, 2015	Ростовская область, 2015
Буду искать дополнительные источники заработка	37	53	38	58
Что-то предприму, но что, ещё не решил	37	36	29	24
Приму решение о переезде в другой регион страны	4	6	5	14
Приму решение о выезде из России в другую страну	3	12	4	8
Возьмусь за оружие для отстаивания своих интересов	3	5	4	7
Приму участие в митингах, демонстрациях, голодовках	6	6	6	6
Буду отстаивать свои интересы через профсоюзные организации	5	5	2	4
Вступлю в какую-либо политическую партию для защиты своих интересов	2	2	3	3
Никак не буду реагировать, буду терпеть дальше	3	2	7	3

Сопоставляя в целом характер распределений ответов по региону и по стране, можно вновь отметить (это уже делалось в целом ряде исследований ЮРФИС РАН) относительно более высокий адаптационный потенциал населения Ростовской области. Говоря об этом, при опросе в регионе мы имеем в виду превышение примерно на 20 п.п. доли респондентов, которые будут искать дополнительные источники заработка в ситуации заметного ухудшения условий жизни. Если при общероссийской выборке мы имеем чуть менее 40% сторонников данной адаптационной стратегии, то при выборке по Ростовской области – уже чуть менее 60%.

Данное расхождение можно рассматривать и в другом ключе – как свидетельство дефицита иных адаптационных стратегий, однако сопоставление «рейтинга» прочих позиций с общероссийскими показателями не даёт такого заметного расхождения. Данный факт, пожалуй, говорит именно о характерной особенности экономического менталитета населения Южного региона. Разумеется, у рассматриваемого

факта, который в силу имеющихся мониторинговых данных можно считать проявлением определённой тенденции, имеются и структурные причины: относительно более высокая доля неформальной или серой экономики, благоприятные условия для самозанятости в личном подсобном хозяйстве и мелкотоварном сельском производстве, наконец, особенности менталитета населения Южного региона.

С точки зрения динамики временных рядов, можно ещё раз отметить устойчивость доли респондентов, предпочитающих индивидуализированные и целенаправленные (сохранить уровень дохода, качество жизни) адаптационные стратегии. На этом фоне характерным является снижение доли «неопределившихся» респондентов – тех, кто пока не представляет себе, что он будет делать. Причём уменьшение данной категории произошло как на общероссийском уровне, так и по региону. Если в 2013 г. в России насчитывалось 37% придерживающихся стратегии «отложенной адаптации», то в 2015 г. – 29%, в Ростовской области – соответственно 36 и 24%. Подобную тенденцию можно трактовать как ещё одно свидетельство в пользу тезиса о формировании «новой социальной реальности», в том, правда, отношении, что после «тучных лет» 2000-х гг. кризисные явления в экономике казались ещё недостаточно понятными и ощутимыми некоторым слоям населения, а в текущей ситуации значительная часть респондентов уже переориентировалась с отложенной адаптации на проактивную позицию.

Так или иначе, но вопрос о протестных настроениях в регионе действительно самым тесным образом переплетается с вопросом об адаптивном потенциале населения. В этом контексте отметим уменьшившуюся готовность населения Ростовской области к внешней эмиграции (в другую страну) и увеличившуюся готовность к внутренней миграции в поисках лучших условий жизни. Вероятно, данные изменения также находятся в русле общих тенденций на охлаждение отношений со странами Запада вследствие их изоляционистской и санкционной политики сдерживания в отношении Российского государства. С другой стороны, следует отметить более высокую миграционную готовность населения региона по сравнению со среднероссийскими показателями.

Обращаясь собственно к характеристике протестного потенциала в Ростовской области, следует отметить, с одной стороны, стабильность доли тех, кто готов участвовать во всякого рода протестных акциях – митингах, пикетах, шествиях, голодовках и пр. Данный показатель находится фактически в тех же пределах значений и в регионе, и в стране в целом с 2013 г. – около 6%. С другой стороны, необходимо отметить определённую радикализацию части населения – тех, кто готов отстаивать свои права с оружием в руках стало не меньше,

Отметим уменьшившуюся готовность населения Ростовской области к внешней эмиграции (в другую страну) и увеличившуюся готовность к внутренней миграции в поисках лучших условий жизни.

но даже больше. В Ростовской области этот показатель вырос с 5 до 7%, по России – с 3 до 4%. Совпадение тренда говорит о том, что это снова не случайно зафиксированная динамика. Конфликт на юго-востоке Украины, а также близость Ростовской области к данному конфликту ведёт к определённому увеличению доли тех, кто воспринимает сам образ вооружённой борьбы как способ защиты своих прав.

Вообще следует отметить, что в регионе в настоящее время численность категории населения, готового отстаивать свои права с оружием в руках, хотя и в пределах погрешности, но превышает долю тех, кто выбирает институциональные, если так можно выразиться, способы протестного действия. Следует отметить, что сторонники радикальных мер – это особая категория. Во-первых, это люди с обострённым чувством справедливости, которое играет едва ли не ведущую роль в мотивации протестного действия; во-вторых, это максималисты и, чаще, идеалисты. Указанные особенности накладывают определённые требования к работе с подобной аудиторией, поскольку показатель в 7%, хотя и репрезентирует маргинальную группу, но всё же является достаточно значимым с точки зрения наличия радикализованного ядра в региональном сообществе. При этом следует отметить, что радикальные способы борьбы за свои права есть в известном смысле следствие сужения горизонта адаптационных возможностей, выталкивания отдельных категорий граждан в зону фрустрации социальных потребностей.

Учитывая, что доля населения, настроенного инертно по отношению к негативным изменениям в качестве жизни, в Ростовской области в 2 раза ниже, чем по России в целом (3 против 7%), депривированные слои населения должны стать объектом мониторинга и мер социальной вакцинации в виде адресной помощи и иной поддержки.

Полученные данные позволяют сделать вывод, что на сегодняшний день на региональном уровне общество нуждается не только в стабильных и эффективных политических институтах, но и в эффективных и доступных каналах социальной адаптации к изменяющейся экономической конъюнктуре. В настоящее время продолжает сохраняться тенденция, при которой, несмотря на все попытки придать социальному протесту в России политическое звучание, направить его на подрыв легитимности основных институтов государства, массовый протестный потенциал оказался лишь ограниченно политизирован. Главным образом он артикулируется в терминах социально-экономических претензий, раздражением невосприимчивостью власти к запросам общества, недовольством возможностями социальной мобильности и равенством доступа к социально-экономическим ресурсам.

Сторонники радикальных мер – это особая категория. Во-первых, это люди с обострённым чувством справедливости, которое играет едва ли не ведущую роль в мотивации протестного действия; во-вторых, это максималисты и, чаще, идеалисты.

Продолжает сохраняться тенденция, при которой, несмотря на все попытки придать социальному протесту в России политическое звучание, направить его на подрыв легитимности основных институтов государства, массовый протестный потенциал оказался лишь ограниченно политизирован.

В условиях санкционного режима, волатильности курса национальной валюты и трудностей восстановления экономического роста характер протестных драйверов должен особенным образом учитываться региональной политической элитой, органами управления, чтобы не допустить его политизации и радикализации. Здесь необходим как настойчивый мониторинг потенциальных зон риска – социальных групп, испытывающих депривационные эффекты с наибольшей силой, так и построение эффективной системы адаптационных возможностей: от традиционных мер адресной поддержки населения или системообразующих предприятий, до создания больших возможностей для малого предпринимательства, мелкотоварного сельхозпроизводства и пр.

Библиографический список

Барбашин М. Ю. и др. 2013. Законодательное Собрание Ростовской области в зеркале социологии / Барбашин М. Ю., Барков Ф. А., Васьков М. А., Волков Ю. Г., Сериков А. В., Черноус В. В. Ростов-на-Дону: МарТ. 76 с.

Ваньке А., Ксенофонтова И., Тартаковская И. 2014. Интернет-коммуникации как средство и условие политической мобилизации в России (на примере движения «За честные выборы») // INTER. № 7. С. 5–12.

Дискин И. 2014. России нужна консервативная модернизация! // Официальный сайт газеты «Известия». URL: <http://izvestia.ru/news/580205> [Дата посещения: 07.12.2015].

Источник данных по Ростовской области за 2013 г.: Социальное самочувствие и социальное неравенство в Ростовской области: Отчёт о результатах социологического исследования / Под ред. проф. Ю. Г. Волкова. Ростов-на-Дону, 2013.

Мамонтов М. В. 2012. Протестная активность россиян в 2011–2012 гг.: основные тренды и некоторые закономерности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 1 (107). С. 5–22.

Райбман Н. 2014. Сурков: Нужно создать партию для раздраженных горожан // Официальный сайт газеты «Ведомости». URL: http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2011/12/06/surkov_nuzhno_sozdat_partiyu_dlya_razdrzhennyh_gorozhan [Дата посещения: 07.12.2015].

Российское общество в контексте новых реалий (тезисы о главном): Информационно-аналитическое резюме по итогам общенационального исследования / Институт социологии РАН. М., 2015. 14 с.

Чупров В. И., Зубок Ю. А., Романович Н. А. 2015. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства. М.: Инфра-М. 352 с.

Life Orientation for Inhabitants of the Southern Federal District in the Context of Modern-Day Life

Posukhova Oksana Yurevna

Candidate of sociological sciences, associate professor of Department of a regionalistik and Euroasian researches, Institute of sociology and regional studies, Southern federal university, Rostov-on-Don, Russia. E-mail: belloks@yandex.ru

Serikov Anton Vladimirovich

Candidate of sociological sciences, associate professor, leading researcher, South Russian branch of IS Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia. E-mail: avserikov@sfedu.ru

Abstract. This article cites data collected while carrying out a social research survey entitled "On vital issues of our lives", implemented within the framework of the following planned subject: "Studying the dynamics of the changing socio-economic and socio-political situation in regions of the Southern Federal District". Despite the fact that this study was based on instruments and methodology developed by scientists from the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, our regional project can be called a search study, since we did not develop its theoretical model from the ground up, along with the main issues for investigation – in fact, they were implicitly borrowed from our Moscow-based colleagues. This article examines the characteristics of adaptation processes for the regional community under conditions of sanctions and economic crisis: this allows us to define two basic strategies for solving life problems – active and passive. It should be noted that a stable portion of respondents who prefer individualized and purposeful adaptation strategies (such as maintaining their level of income and quality of life) was registered. We were able to establish that orientation towards stability is dominant when it comes to the more important life guidelines, while partaking in politics, being a part of social and political organizations, is clearly at the bottom of the list, which can be explained by the evident distrust in such social institutions. A continuing current tendency is mass protest potential being only partly politicized, despite the ongoing attempts to give social protest in Russia a political demeanor and direct it towards undermining the legitimacy of fundamental state institutions. One notable observation is a certain level of radicalization among part of the population – namely, those who are ready to rise in arms in the name of their rights.

Keywords: social health, daily routine, life interests, conflictogenic potential, national security, protest sentiments, anxiety.

References

Barbashin M. Y. & oth. Zakonodatel'noe Sobranie Rostovskoy oblasti v zerkale sociologii [The Legislative Assembly of the Rostov Region in a Mirror of Sociology]. Rostov-On-Don, MarT, 2013. 76 p.

Chuprov V. I., Zubok J. A., Romanovitch N. A. Otnoshenie k social'noy real'nosti v rossiyskom obschestve: sociokul'turny mehanizm formirovaniya i vosproizvodstva [Attitude to the Social Reality in the Russian Society: Socio-cultural Mechanism of Formation and Reproduction]. Moscow, Infra-M, 2015. 352 p.

Diskin I. Rossii nuzhna konservativnaja modernizacija! [Russia needs a conservative modernization]. «Izvestija» journal official website. URL: <http://izvestia.ru/news/580205> [date of visit 07.12.2015].

Istochnik dannykh po Rostovskoy oblasti za 2013 god: Social'noe samochuvstvie i social'noe neravenstvo v Rostovskoy oblasti [Source data for the Rostov region in 2013: The social well-being and social inequality in the Rostov region]. Otchiot o rezul'tatakh sociologicheskogo issledovaniya. Ed. by Y. G. Volkov. Rostov-On-Don, 2013.

Mamontov M. V. Protestnaja aktivnost' rossijan v 2011–2012: osnovnye trendy i nekotorye zakonomernosti [Protest Activity of Russians in 2011–2012: Main Trends]. Monitoring obschestvennogo mnenija: ekonomicheskie i social'nye peremeny, 2012, no 1 (107), pp. 5–22.

Raybman N. Surkov: Nuzhno sozdat' partiju dlia razdrazhionnykh gorozhan [Surkov: It is necessary to create a party for disgruntled citizens]. «Vedomosti» journal official website. URL: http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2011/12/06/surkov_nuzhno_sozdat_partiyu_dlya_razdrazhennyh_gorozhan [date of visit 07.12.2015].

Rossiyskoe obschestvo v kontekste novykh realiy (tezisy o glavnom) []. Informacionno-analiticheskoe rezume po itogam obschenacional'nogo issledovaniya. Institute of sociology of RAS. M., 2015. 14 p.

Van'ke A., Ksenofontova I., Tartakovskaja I. Internet-kommunikacii kak sredstvo i uslovie politicheskoy mobilizacii v Rossii (na primere dvizhenija «Za chestnye vybory») [Internet as a means of communication and the condition of political mobilization in Russia (an example of the movement “For Fair Elections”)]. INTER, 2014, no 7, pp. 5–12.